

Здравствуйте, давно не виделись!

Экран и сцена - 1998 - ноябрь - декабрь (46) - 43

Нужно ли спорить с судьбой?

пошли слухи, что я развратник, алкоголик. Исчез мой гримерный столик. Я вдруг узнал, что отправлен в психушку по скорой. Я не стал выяснять, кто же распускал эти слухи, но решил не сдаваться. Началась катавасия: меня снимали с ролей, не давали новые. За последние тридцать лет по приказу сыграл всего в пяти спектаклях: "Сказка о Девочке-неудаче", "Вдовий пароход", "Чайка", "Человек, как человек", "Любовью не шутят" и еще несколько эпизодиков. И все. Остальные мои работы или готовил и показывал сам, или меня подключали по необходимости, если заболел исполнитель, или отказывался от роли.

И в кино все рухнуло. Сначала закрыли фильм Мариса Гедриса "Я гляжу на Восток", в котором у меня была главная роль, хотя уже была снята треть картины. Почему закрыли, мы так и не поняли. Но после того кинематограф на долгие годы перестал для меня существовать: когда я приходил на "Мосфильм", ассистенты режиссера смотрели сквозь меня, словно не видели. Что произошло? Могу только догадываться.

— Что же сейчас делаешь?

— Последняя роль в театре была в девяносто пятом году: мэтр Блазиус в "Любовью не шутят", спектакль мне очень нравился, к сожалению, он скоро был снят, хотя зритель его принимал хорошо. Но надеюсь на перемены. Будут ли они? Помните, у Чехова: "Если бы знать... если бы знать..."

Я стою на сцене с деревянным ружьем, в шинели юнкера -- это массовка. Главное -- не засветить лысиной в зал. Я не позеленел от злости и зависти, не лишился сна и вообще -- все будет хорошо! Был, есть и буду! "Будем жить! Будем жить!"

Беседовала Тамара СЕРГЕЕВА

● Юрий Беркун

классе, почувствовал жуткое желание стать актером. Во дворе организовал кукольный театр: мы рисовали и вырезали из бумаги фигурки, насаживали их на палочки и разыгрывали целые представления.

А в шестом классе я пошел в драматическую студию при Дворце пионеров. Но с самого начала моя актерская жизнь пошла трудно, почему -- понять до сих пор не могу. Всегда играл во втором составе, но, что интересно, когда были ответственные спектакли, когда к нам приходила какая-нибудь комиссия, ставили меня. Это же повторилось и когда стал работать в профессиональном театре. Судьба.

— Наверное, не просто было мальчику из провинции поступить в театральный вуз?

— Я приехал из Харькова с четырнадцатью рублями, пробовал поступить и во ВГИК, и в Щукинское, и во МХАТ. Потом совершенно случайно узнал, что Завадский набирает свою студию, и поступил к нему. А потом начались мои мытарства по Москве, жить было негде, ночевал то на вокзалах, то у друзей, то втихую в театре на стульях. У меня был с собой кусок мыла, зубная щетка и все. Но все равно учеба была счастьем, прежде всего, благодаря тем людям, которые нас учили. Особенно многим для нас сделал, конечно, Юрий Александрович Завадский, красивый, интеллигентный, умнейший человек. Он, например, очень любил собирать всю труппу на беседы, на которых рассказывал, какие книжки прочитал, отчитывал или хвалил кого-нибудь из актеров, рассуждал о предназначении театра, об истории, о чем угодно. Тогда мы к его беседам относились с юмором, но прошло время, и стало ясно, насколько они были для нас важны. Он призывает актера быть содержательным человеком, учил самому главному -- душа обязана трудиться. Без этого настоящим актером не стать.

— Какие еще из уроков Завадского пригодились в дальнейшем?

— Он всегда настаивал, чтобы актер активно предлагал режиссеру свое видение роли. Если же актер ничего сам не придумывал, то сердился, называл его нахлебником. И еще я благодаря Юрию Александровичу понял, что основа всякой роли -- внутренняя ее обоснованность, проработанная психология человека. Без этого, какие бы фортели ты ни выкидывал, -- получается чужь, ты хохмишь, по выражению Завадского, "на потребу зрителей", и ничего больше.

Для меня тоже самым важным стала обоснованность всего, что делаю. Так, когда играл Павла I в "Графине Шереметевой", то стремился не к созданию сиюминутного настроения, а к определению сути этого человека, стиснутого обстоятельствами, противоречивого, сложного. Недаром же его называли русским Гамлетом. А в Пушкине ("Грибоедовский вальс") для меня был важен его провидческий дар, точ-

ность его оценок, пронзительность, умение проникнуть в судьбу другого человека.

— Что сильнее всего поразило тебя в театре?

— Сама сцена. Пустая сцена. Я в театре сразу полюбил две вещи -- сцену и аплодисменты. Специально приходил к концу спектакля посмотреть, как зрители аплодировали, забирались на галерку и буквально плакали от восторга. Я был вообще восторженным молодым человеком, безумно любил всех актеров, помню, как перед "Милым лжецом" купил для Орловой настоящие фиалки, -- она играла в спектакле сцену из "Пигмалиона", ту, где Элиза Дулитл продает цветы, -- и подарил ей перед выходом на сцену. Любовь Петровна была так тронута.

И еще незабываемы первые встречи с моими кумирами -- Николаем Дмитриевичем Мордвиновым, Ией Саввиной, Сергеем Бирман, которая у нас преподавала, Ленией Марковым. Мордвин, как точно сказал о нем Борис Федорович Андреев, был "последним русским романтическим героем". Удивительный сплав трогательной неуверенности в себе и мощной натурой. Как он читал стихи! Нараспев, задумчиво. Никто так не умел и не умеет. А ведь над ним, над его протяжными интонациями, все за глаза посмеивались, хотя вряд ли кто мог встать с ним вровень.

Бирман тоже была немислимой, уникальной, я больше не знаю актрис такого масштаба. Так в спектакле "Орфей спускается в ад" она играла эпизодическую роль -- медсестру. Говорила своим странным гортанным голосом: "Шажок, еще шажок", -- ведя под руку пациента, которого замечательно играл Сергей Сергеевич Цейц. Всего несколько слов, а за ними -- судьба. На всю жизнь я запомнил это: "Шажок, еще шажок". А Лёня Марков так и не раскрылся в полной мере. Но биографии от него шли мощные, когда он проходил рядом, возникало ощущение, что мимо тебя прошла грозная туча.

Я быстро получил одну из главных ролей в спектакле "Объяснение в ненависти", потом на телевидении в спектакле "Возмездие", да еще стал активно сниматься, все вроде складывалось хорошо. Когда Завадский начал работу над "Преступлением и наказанием", я, чтобы доказать ему, что смог бы сыграть Раскольникова, написал объемную аналитическую статью, в которой разобрал всех персонажей, и даже совершил маленькое открытие -- увидел, что в Порфирии Петровиче Достоевский вывел самого себя в ироническом преломлении.

Раскольникова тогда не сыграл, и все равно шел очень неплохо, а потом вдруг все покатилось под горочку. Почему? В какой-то степени, наверное, из-за моей прямолинейности. Никогда не лгал. Но главное -- кто-то что-то сказал про меня дирекции. И мне намекнули, что я должен уйти из театра: якобы я анонимщик. По театру

Из всех профессий актерская, пожалуй, самая жестокая. В ней многое зависит не только от способностей человека, но и от его воли, желания работать и самоотдачи, но и от самого банального случая. Не так встали звезды -- и вот ты уже "выпал из обоймы", потеряли к тебе интерес режиссеры, и вот ты уже не у дел.

Юрий Беркун начинал ярко: еще студентом в шестьдесят третьем снялся в картине "Принимаю бой", и сразу последовали предложения: за два года пять, казалось бы, чего еще может желать молодой актер. Да если учесть, что один из его фильмов -- "Гамлет", в котором Юра сыграл Третьего Актера, того самого, кто в знаменитой сцене "Мышеловки" исполняет роль Королевы. Худенький, порывистый, вдохновенный Актер, упоенный своей ролью, весь светится.

Этот внутренний свет, романтические интонации, наивный полет души свойственны и другим героям Юрия Беркуна тех лет. Студент Вадик, подрабатывающий в комбинате бытового обслуживания в качестве няньки прокашливающего малыша ("Все для вас"), молодой рабочий Алеша Уточкин, попадающий в схватку с хулиганами ("Принимаю бой"), юный поэт-комсомолец Костя Каменский, в годы гражданской войны мечтающий о будущем счастье ("Двадцать лет спустя").

Еще не утратившие подростковую ломкость, угловатость, они смотрели на жизнь доверчиво, ожидая от нее только хорошего, и в то же время умудрялись оставаться несибязом верными своим убеждениям. В них был счастливый кураж юности, обаяние, душевная открытость. И они вполне могли бы стать героями своего времени, но, увы, не хватило малости -- фильмы те погоду в нашем кинематографе не делали, ими не заинтересовались ни зрители, ни критики, и возможности молодого актера просто некому было оценить по достоинству.

Беркуну не встретился его режиссер, человек, который мог бы ввести его в "большой" кинематограф. Правда, Григорий Козинцев хотел продолжить с ним работу и приглашал на роль Шута в "Короле Лире", но Юра внезапно заболел. Роман с кино оборвался в самом начале, возобновившись только много лет спустя, когда Тамара Павлюченко предложила Беркуну сыграть в своих телевизионных картинах "Графиня Шереметева" и "Грибоедовский вальс". Да еще и работа в театре имени Моссовета, сначала такая активная, постепенно стала сходить на нет.

— Юра, и ты не жалеешь, что стал актером?

— Я мог бы быть только актером. Только. Объяснить не могу. Видимо, гены. Мой дядя был главным режиссером и актером театра оперетты в Одессе, лауреат Госпремии и все такое. Я о нем слышал, но виделся мало. И вдруг, когда учился в первом